

ИЛЬИН ДЕНЬ

ВАРВАРА ЗАБОРЦЕВА
Родилась в 1999 году
в п. Пинега Архангель-
ской области. Студентка
Санкт-Петербургской
академии художеств
имени Ильи Репина. Публи-
ковалась в журналах

«Звезда», «Юность»,
«Урал», «Сибирские огни»,
«Наш современник»,
«Формаслов». Участник XX,
XXI и XXII форумов молодых
писателей России, участник
форума молодых писа-
телей России, Казахстана

и Ниргизии (2021). Участник
литературной школы журнала
«Юность». Шорт-лист
международного нонкурса
фантастического рассказа
«Прыжок над бездной»
(2022). Живет в Санкт-
Петербурге.

Понесло же меня в Кучкас накануне Ильина.

Других дней, что ли, нет. Знала, что дожди за-
редят, знала. На Иван день поливало, на Петров
день поливало. Народные приметы – это не про-
гноз погоды, веками выверено, так бабушка гово-
рила. Сколько сама наблюдаю, все сходится.

Первое утро августа. Белые ночи позади. Тем-
ные дожди собираются.

Говорят, сколько света успел запасти, так
и будешь зимовать. А я ничего не успела.

Как-то рассказывали о месте, где время мо-
жет замедляться. И не где-то там, а у нас, на
Севере. Кучкас называется. Самая дремучая де-
ревня Пинежья. Леса глухие, деревья огромные,
ветки высоко-высоко тянутся. Время под самы-
ми облаками плывет, иначе затеряется. Бывает,
ветки все равно дотянутся и заденут минутку-
другую.

Тогда время замедлится.

Никто не знает, где уроненные минуты ося-
дут. Реки быстрые, озера глубокие – если на
воду упали, концов не найти. А если на мох,
если на белый... тоже нечего голову ломать, вы-
думки это.

– Мне билет до Кучкаса, пожалуйста.

Думала, пазиков не осталось на этом свете,
а нет, один подъезжает.

Сказали, мне до конечной.

Полный автобус, еле местечко нашла, в самом
конце. Наверное, в лес едут. Может, черника осо-
бенно крупная в тех краях. А может, пансионат
какой. Весь автобус – пожилые женщины. Каждая
вторая с палочкой сидит, какие тут ягоды. Сна-
чала мне стало любопытно, потом как-то не по
себе... Женщины вовсе не сухонькие, но будто силы
в руках и ногах не осталось. Будто была она –
крепкая, вековая – да вся вышла.

Ясно одно – точно неслучайно едут. Должны
что-то знать про Кучкас.

– Кучкас – нора, в небо дыра.

– Дальше-то не суйся, никто не хаживал.

– В Кучкасе побывашь, дак и помирать можно.

За окном показалась река.

Вьется вдоль дороги, извивается, нет бы прямо
течь. Дорога была бы короче и легче. Думаю, река
часто выходит из берегов – с таким характером
разве удержишь.

Начались пинежские леса.

Теперь понятно, почему дорога долго держа-
лась реки: лес до того густой, вглубь уходить
опасаешься. Пойма реки все же открытая, доверия
больше, куда-то да выведет.

Сначала ехали слишком тихо. Будто сам пазик
слушал гладкую дорогу.

Она быстро закончилась. Дожди, видимо, идут
впереди нас – грунтовку размыло. На каждой

яме заново зубы собираем, но я даже вздремнуть умудрилась. Дурной сон увидела – как раз про зубы. Падают и падают, обратно не собираются.

Проснулась от голоса. Точнее, от голосов – один за другим сплетались в протяжную песню. Я много слышала о песнях с Верховья Пинежья. Кто-то говорит, заунывные, кто-то ни слова разобрать не может и тут же теряется в распевах, а я только успевала за повторами. С ухаба на ухаб – до чего стойкая песня. Взберется на вершину – и обратно. Спускается потихоньку, словно и не хочет спускаться:

*На мне век тоска да не бывала,
Мне вецор тоска да нападала.*

*Мне вецор тоска да нападала,
Во всю ночь молода да не сытала.*

Слово за слово крепко держится, не расцепишь. Поначалу бередило меня цоканье, а потом ждуть его стала. Хотелось еще какое-нибудь знакомое словечко иначе расслышать, не только «вечер» да «ночь».

Автобус доверху набился песнями. Казалось, молчу только я. Сама дорога пела с женочками – так они друг к дружке обращались:

– Женочки, цего ишшо запоем-то?

И тут стало не до песен. Дальше дороги не было. Дождями размыло ручей.

– Женочки, живо стемнет, цего делать-то?

Вдруг из леса выходит какой-то мужик и прямо на наших глазах ставит мост.

Так и проехали.

– О, это Морозов услужил.

– Да который Морозов-то? В Кучкасе Морозовых, что комаров летом.

– Да кака разница-то, главно, дальше едем.

Ехали дальше.

Женочки поперешептывались о том, что с Ильина дня ночи темные, картошка растет в голову, а в воде всякая нечисть водится. И снова начали песню.

*В северном просторе
Лесоф темных много,
Лесоф темных много,
Рек, озер глубоких.
А во том, во лесе
Зверя-птицы много,
Во реках, озерах
Рыбы того боле.*

И правду пели-то! Проезжаем озеро, а над ним рыба плещется – одна за другой, прямо над водой

как выпрыгнет – и обратно. И по десять штук скачет, и побольше. Видимо, столько рыбы в озере, что не вмещается, вот и выныривает. Бояться-то некого – разве много рыбаков в этих краях, только медведи.

Много ли медведей, не знаю, но волка сама видела.

Стоит на железной дороге, никуда не спешит. Поезд один раз в день. Остальное время ходи по рельсам сколько угодно.

Но волк стоял.

Железные пути шли выше нашей дороги. Волк доставал носом до неба, которое вдруг на закате очистилось, – небо выглянуло горящее, алое, дикое, будто выкрик перед концом белых ночей. А волк был спокоен и нисколько не боялся, что светлые дни уходят. Может, он был обычный, небольшой, но я запомню его внушительным. Впервые увидела волка. И он увидел нас и долго смотрел вослед.

Кажется, не завыл. Не стал сбивать наших песен, а она и не думала сбиваться.

И тут я расслышала один мужской голос. В автобусе оказался парень, кажется, молодой, несильно младше меня и несильно старше. И голос до того уверенный, как я раньше его не разобрала. Теперь песни будто на нем и держались. А может, женочки подустали, такая дорога всю душу вынет, а голос тем более.

– Если бы не Илья-то, мы бы давно пропали.

– Наша-то память худа, слова-то, бывает, забывам, а Илюша у нас молодец, все песни знает лучше нас.

– Без песни-то разве доедем куда. С песней-то быстрее дома будем.

Последние слова звучали мужским голосом. И тут я засомневалась, какого же возраста этот парень. Говорил он обычными словами, но, как женочки, с угора на угор катал предложения. Может, вырос в этих местах, вот и говорит по-местному. Вряд ли молодой парень останется в такой глуши.

Имя узнала, но лица не разглядеть, сколько ни щурилась. Парень сидел где-то впереди, да и совсем темно стало. Встретили мы дожди сильнее прежнего.

– Не дорога у нас, направление. Застрянем как пить дать.

И застряли. Сидим в луже, пыхтим, не поем. Ночи пошли холодные, наглые – шелями залезали в дырявый пазик, двери мы даже не думали открывать. Ждали не знаю чего.

– Илья-пророк два часа уволок, женочки.

Поверю на слово. Может, и правда пару часов просидели в луже, похоже на то. Когда-некогда то ли вода отпустила колеса, то ли водитель вышел да вытолкнул нас.

Что я только не передумала за это время. Бездонные два часа или сколько их там прошло. Сколько бы ни было, в темноте они прошли, разве заметишь их. Это не белые ночи, когда каждый комар на виду. Были где-то недалеко от границы границ – так сказали, и я опять готова верить.

Знать бы примерно, как выглядит этот Кучкас. Не представляю, что высматривать за окном, вот и мерещится что ни попадя: мельница, и еще одна, кони подальше, коровы. Чего они ночью-то ходят. Спрашиваю, а мне:

– Были-были да сплыли.

И снова заладили петь. Видно, слишком много мне песен для первого раза. Аж голова кружится, и забывать стала, зачем поехала, но куда денешься, слушаю.

*Куда мил ни пойде,
Миня ни обойде.
Куды ни поеде,
Мимо ни проеде.
В саноцки посадит,
По городу прокатит.
Горот ни деревня,
Орхангильска губерния.*

В Кучкас приехала – пустой автобус.

Укачали меня песнями, видимо, а сами раньше вышли. Да разве заметишь, «эка темень», как женочки всю дорогу говорили. Так и слышу их, так и слышу.

Света подожду. Там и ясно будет, куда попала.
Утро вечера мудренее.

